МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

В.Л. АБРАМОВ
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

А.Д. ВАСИЛЬЧЕНКО
аспирант Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СТОИМОСТИ КАК МЕХАНИЗМ УКРЕПЛЕНИЯ ТОРГОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕАЭС[1]

В статье рассматриваются особенности региональных цепочек стоимости в Евразийском экономическом союзе. Проверяется гипотеза о том, что участие стран Союза в региональных цепочках стоимости положительно влияет на процесс торговой интеграции в ЕАЭС. Как показал анализ, за период существования объединения предпочтения стран-участниц во взаимной торговле сместились в сторону промышленных товаров по отношению к ресурсам; наиболее выражена эта тенденция в торговле продукцией машиностроения и химической промышленности. Выявлена страновая специфика участия стран ЕАЭС в региональных цепочках стоимости. Так, зависимость России от кооперационных связей с партнерами по ЕАЭС не является высокой. Экспорт Беларуси и Казахстана, напротив, включает существенный компонент произведенной в России добавленной стоимости. В целом потоки добавленной стоимости в пределах объединения сильно смещены в сторону России. По результатам эконометрического анализа установлено, что для стран ЕАЭС «прямое» участие в региональных цепочках стоимости положительно влияет на объем взаимного промышленного экспорта. В то же время Россия наращивает промышленный экспорт в третьи страны за счет производственной базы региона. По мнению авторов, интеграционным институтам Союза необходимо проводить мероприятия по сглаживанию структурных дис-

[1] Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в рамках темы государственного задания Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации «Развитие механизмов промышленной, технологической кооперации России с государствами – членами ЕАЭС для наращивания несырьевого неэнергетического экспорта в условиях санкций».

пропорций в кооперационных связях в ЕАЭС. Предполагается, что мероприятия должны быть дифференцированы по отраслям, учитывать характер «прямых» и «обратных» кооперационных связей между странами ЕАЭС.

Ключевые слова: *региональные цепочки стоимости, промышленный экспорт, промышленная кооперация, промежуточная продукция, торговая интеграция.*

УДК: 339.92, 339.94

EDN: THBCPC

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_144_166

Введение

Развитие торговой интеграции является важнейшей задачей Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), поскольку способствует повышению международной конкурентоспособности национальных экономик, снижению цен на товары для потребителей и сокращению издержек производителей продукции. Особое внимание на современном этапе уделяется укреплению взаимной торговли промышленными товарами с высокими переделами. Одним из направлений деятельности интеграционных органов и институтов ЕАЭС становится формирование прочных производственно-коммерческих связей между фирмами стран-участниц в рамках региональных цепочек стоимости Союза (далее – РЦС[2]) [5; 17]. Включенность стран в их формирование и функционирование в настоящее время является глобальным трендом развития торговой интеграции, особенно в рамках региональных экономических объединений.

Сегодня Евразийский экономический союз является объединением, включающим в себя «естественных торговых партнеров», в классическом их понимании: страны блока в большинстве имеют сопредельные границы, исторически сложившиеся хозяйственные связи, определенную языковую и культурную общность.

Следует отметить, что в ЕАЭС реализуется ряд мероприятий по развитию производственных связей между государствами–членами; при этом используются как финансовые, так и нефинансовые механизмы. Одним из ключевых механизмов финансовой поддержки производственной кооперации, принятых недавно, является программа субсидирования процентов по кредитам и займам. На 2024 г. бюджет субсидирования составил 1,8 млрд руб., величина субсидии установлена в размере 100% ключевой ставки ЦБ/НБ. В приоритетном порядке

[2] В соответствии с устоявшимся в научной литературе подходом [16] под региональными цепочками стоимости авторы понимают единый воспроизводственный процесс создания готового комплексного продукта, осуществляемый последовательно в рамках одной или нескольких отраслей, соединяющий расположенные в одном макрорегионе производственные, обслуживающие и иные технологически связанные компании [16].

финансовая поддержка оказывается проектам, направленным на производство ранее не производимой в ЕАЭС продукции, на содействие наращиванию экспорта и создание рабочих мест[3]. Ведущим нефинансовым механизмом поддержки производственно-коммерческих связей фирм стран Союза стала Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий ЕАЭС[4]. Ее создание направлено на информационное и консультационное посредничество партнерства промышленных компаний, что должно обеспечить прочные производственные связи в отраслях Союза. Особый приоритет отдается вовлечению малого и среднего бизнеса как локомотива диверсификации экономики объединения[5]. В то же время отмечается доминирование в отдельных экономиках Союза добывающего, аграрного сектора и базового машиностроения (отраслей с малым числом производственных стадий). В интеграционной конструкции ЕАЭС велика роль России, что сильно смещает в ее сторону концентрацию ключевых товаропотоков. Учитывая вышесказанное, перспективы развития торговой интеграции в ЕАЭС должны рассматриваться в контексте выравнивания существующих диспропорций в региональных цепочках стоимости.

Обзор литературы

Как уже отмечалось, региональные цепочки стоимости в последние годы получили признание в качестве одного из ключевых факторов развития торговой интеграции. Производственные связи, как правило, выстраиваются на долгосрочной основе, связывая отрасли отдельных стран в единое хозяйственное пространство. Как отмечают специалисты ЮНКТАД, наибольшая отдача от развития РЦС будет при выполнении трех условий: (1) внедрение технологических платформ, (2) содействие диверсификации межфирменных связей, (3) повышение емкости регионального рынка [17]. При этом сотрудничество в технологически продвинутых секторах (микроэлектроника, фармацевтика

[3] Решение Евразийского межправительственного совета от 26 октября 2023 г. № 3 «Об утверждении Положения об отборе совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности и оказании финансового содействия при их реализации государствами – членами Евразийского экономического союза» / Альта Софт. https://www.alta.ru/tamdoc/23ms0003/ (дата обращения: 15.04.2024).

[4] Решение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2021 г. № 5 «Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года».

[5] Решение Высшего евразийского экономического совета от 31 мая 2013 г. № 40 «Об основных направлениях координации промышленных политик Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации».

и т. п.) вызывает «каскадные импульсы», подключающие другие сектора экономики и создающие новые точки роста на пересечении устоявшихся способов производства в процессе решения новых технологических задач.

Проблема развития региональных цепочек стоимости на пространстве ЕАЭС неоднократно становилась предметом исследований как отечественных, так и зарубежных ученых. Однако, как отмечает Л.Б. Вардомский [4], интеграционным институтам Союза пока не удается добиться качественных результатов укрепления промышленной кооперации стран-участниц. Одними из причин отсутствия прогресса, по мнению автора, являются задержки в формировании общих отраслевых рынков и проблемы координации национальных экономических политик. Б.А. Хейфец в своей работе выступает с критикой существующей институциональной архитектуры ЕАЭС. Автор подчеркивает, что приоритетом развития экономической интеграции в Союзе должно быть не создание все новых наднациональных структур, а «формирование гибкого экономического партнерства современного типа» [12, с. 42]. В работе акцентируется значимость поддержки неформальной интеграции «снизу» в форме развития сети деловых контактов, что необходимо для гармоничного укрепления торгово-экономической интеграции на макроуровне.

В своей работе чл.-корр. РАН А.Н. Спартак и Г.В. Баландина [1] подчеркивают, что поддержка промышленной кооперации в ЕАЭС должна носить системный характер. Авторы указывают на необходимость наделения кооперационной продукции особым нормативно-правовым статусом; такой продукции важно обеспечить свободный доступ на внутренний рынок Союза. По мнению А. В. Кузнецова [7], существенные препятствия развитию региональных цепочек стоимости лежат в плоскости национальных экономик; к таковым автор относит, прежде всего, нехватку финансовых ресурсов, а также недостаточный уровень поддержки государства. Помимо этого, в работе отмечается, что институты развития ЕАЭС (главным образом ЕАБР) при поддержке промышленной кооперации ориентируются на величину прибыли и срок окупаемости, что стимулирует смещение финансовых потоков в сторону сырьевого и энергетического секторов.

Существующие барьеры для гармоничного развития производственных связей в ЕАЭС раскрыты в работе А.А. Урунова и И.М. Морозовой [10]. По мнению авторов, препятствиями для промышленной кооперации в Союзе являются: недостаточное развитие рынков субконтрактации, незавершенность процессов структурных преобразований в промышленности, а также несовершенство нормативно-правовой основы, вследствие чего, помимо прочего, затрудняется процесс адаптации опыта поддержки промышленной кооперации в Евро-

пейском союзе. В качестве еще одного актуального барьера для развития РЦС на евразийском пространстве В.А. Смирнов и В.В. Сутырин видят усиление «сквозного» характера торгово-логистического маршрута Китай-ЕС, что рискует привести к превращению постсоветского региона в транзитно-сервисную зону. Исследователи из НИУ ВШЭ и Всемирного банка в своем докладе [6] замечают, что достижение максимального эффекта от РЦС в ЕАЭС возможно при участии промышленных фирм и исследовательских центров на всех стадиях создания добавленной стоимости, а также путем совершенствования поддержки приоритетных секторов промышленности.

Отдельным страновым аспектам функционирования региональных цепочек стоимости в ЕАЭС посвящены труды А.В. Белоусова, Т.А. Флегонтовой. Согласно расчетам А. В. Белоусова [2], Армения, Казахстан и Россия имеют потенциал кооперации в секторе поставки ресурсов, а Беларусь и Киргизия – в секторе переработки сырья. В свою очередь, как отмечает Т. А. Флегонтова [11], сегодня в ЕАЭС отсутствует отрасль, в которой могли бы эффективно сотрудничать все страны – члены объединения. Автор полагает, что Россия не в полной мере использует потенциал интеграции в региональные цепочки стоимости ЕАЭС.

Обобщив вышесказанное, можно выделить три актуальные проблемы развития РЦС ЕАЭС, отмеченные отечественными исследователями. Первая проблема – недостаточная эффективность институтов Союза в поддержке промышленной кооперации. Вторая – высокий уровень регуляторных барьеров и неразвитость общих рынков. Наконец, третья проблема – низкая степень производственной взаимосвязанности стран-участниц, обусловленная структурными различиями экономики.

В целях объективизации оценки развития региональных цепочек стоимости ЕАЭС важно изучить опыт исследований зарубежных авторов. Как полагает австрийский исследователь Дж. Эдер [14], промышленная кооперация в ЕАЭС во многом является выражением приоритетов промышленной политики России на региональном уровне. Существенным препятствием развитию РЦС ЕАЭС, по мнению автора, являются высокие нетарифные барьеры со стороны России по отношению к конкурентам из стран-партнеров. Эдер указывает на необходимость поддержки горизонтальных связей между «малыми» экономиками объединения в целях снижения их зависимости от России.

В статье индийских ученых С. Васудевана и М. Бабу [19] рассматривается влияние интеграции ЕАЭС на динамику промежуточной торговли между странами региона с позиции классических эффектов создания и отклонения торговли Я. Винера [20]. Ими было выявлено, что распределение данных эффектов между странами ЕАЭС является неоднородным. В экспорте полуфабрикатов наибольший прирост взаимного

экспорта отмечается у России и Армении. Для Беларуси и Казахстана характерны «центробежные» тенденции в направлении торговых потоков. Киргизия, по данным расчетов, меньше всего выиграла от евразийской интеграции с точки зрения развития внешней торговли.

Резюмируя, следует отметить, что пока существует определенный пробел в изучении роли региональных цепочек стоимости как существенного механизма укрепления торговой интеграции в ЕАЭС. В этой связи особую актуальность представляет научный поиск точек пересечения страновых потребностей и компетенций в целях укрепления торговой интеграции на евразийском пространстве.

Методология

В настоящей статье анализируется роль региональных цепочек стоимости как фактора укрепления торговой интеграции на пространстве ЕАЭС. Наша гипотеза состоит в том, что благодаря развитию взаимных производственных связей между компаниями стран-партнеров национальным экономикам ЕАЭС представляется возможность для наращивания взаимного промышленного экспорта. В качестве временного интервала был выбран период 1995–2022 гг., разбитый на отдельные малые интервалы в зависимости от аспекта анализа. В качестве основного объекта исследования выступили три наиболее крупные страны ЕАЭС: Беларусь, Казахстан и Россия, что обусловлено отчасти достаточно ограниченной ролью малых экономик Армении и Киргизии в формировании региональных цепочек добавленной стоимости. При этом значение указанных «малых экономик» учитывается при общей оценке взаимных торговых потоков и в других значимых аспектах.

Проверка гипотезы исследования производилась в три этапа. На первом этапе предстояло выяснить, произошла ли в целом переориентация торговли промышленными товарами «внутрь» объединения. В рамках второго этапа было необходимо определить, каким образом страны – партнеры по ЕАЭС связаны друг с другом в региональных цепочках стоимости в промышленных секторах. Наконец, третий этап предполагал количественную оценку «ответной реакции» взаимного и внешнего промышленного экспорта стран Союза на изменение участия последних в региональных цепочках стоимости.

В целях решения задачи первого этапа исследования был рассчитан «коэффициент опережения» по методике, предложенной авторами (см. формула 1).

$$I_i = \left(\left(\frac{X_{i,m,t_1}}{X_{m,t_1}} - \frac{X_{i,m,t_0}}{X_{m,t_0}} \right) - \left(\frac{X_{i,g,t_1}}{X_{g,t_1}} - \frac{X_{i,g,t_0}}{X_{g,t_0}} \right) \right) \times 100\%, \quad (1)$$

где i – группа товаров, X – экспорт (m – взаимный, g – совокупный), t_0 – начальный период наблюдения, t_1 – конечный период наблюдения. Единицей измерения коэффициента опережения являются процентные пункты. Значения, превышающие единицу, свидетельствуют о том, что взаимный экспорт данного товара опережает совокупный объем экспорта в третьи страны; иными словами, это указывает на рост предпочтения товара как объекта взаимной торговли.

Методика выявления особенностей региональных цепочек стоимости ЕАЭС базировалась на традиционных подходах к количественному анализу глобальных цепочек стоимости [3; 5]. Были изучены производственные связи между странами – членами объединения; в частности, внимание было уделено тому, какой вклад вносят партнеры по ЕАЭС в стоимость промышленного экспорта стран Союза. Количественной метрикой выступил показатель «обратного» участия страны в цепочке стоимости, представленный в формуле 2. Он отражает долю промежуточных продуктов, происходящих из страны-партнера, в общей стоимости импортированных промежуточных продуктов, включенных в стоимость экспорта страны [15]. *Чем выше показатель, тем сильнее зависимость экспорта страны от поставок из страны-партнера.*

$$BP_{p,q} = \frac{FVA_{p,q}}{FVA_p}, \quad (2)$$

где: BP – показатель «обратного» участия, p – анализируемая страна, q – страна-партнер, FVA – стоимость промежуточных продуктов в экспорте страны p.

Решение задачи заключительного третьего этапа основывалось на эконометрическом моделировании взаимосвязи промышленного экспорта стран ЕАЭС от их участия в региональных цепочках стоимости. Оценивалась регрессия методом наименьших квадратов согласно формуле 3.

$$Ex_{p,j} = \beta_0 + \beta_1 BP_{p,j} + \beta_2 FP_{p,j} + \beta_3 GDPpc_p + e_{p,j}, \quad (3)$$

где: $Ex_{p,j}$ – промышленный экспорт отрасли j страны p, $BP_{p,j}$ – зарубежная добавленная стоимость экспорта отрасли j страны p, происходящая из аналогичной отрасли стран – партнеров по ЕАЭС (абсолютная характеристика «обратного» участия страны в РЦС), $FP_{p,j}$ – отечественная добавленная стоимость экспорта отрасли j страны p, входящая в экспорт аналогичной отрасли стран – партнеров по ЕАЭС (абсолютная характеристика «прямого» участия страны в РЦС), $GDPpc_p$ – ВВП на душу населения страны р, включенный в регрессионную модель в качестве контрольной переменной, $e_{p,j}$ – случайная ошибка. Выбор

формы регрессионной модели основан на предположении о позитивном влиянии участия в цепочках стоимости на объем промышленного экспорта страны. Предполагается, что встраивание в производственные и кооперационные связи компаний, локализированных в стране, в качестве поставщика комплектующих («прямое участие») и производителя готовой продукции («обратное» участие) обеспечивает ритмичность и бесперебойность производственного цикла. Это позволяет компаниям наращивать выпуск, направленный на удовлетворение зарубежного спроса. При этом для отдельных компаний и отраслей конкретной страны влияние «прямых» и «обратных» связей может различаться ввиду производственной специализации и уровня технологического развития.

В целях повышения качества и объясняющей способности модели используются робастные стандартные ошибки оценок регрессоров. Качество модели оценивается с помощью двух показателей: F-статистики и коэффициента детерминации R2. Первый показатель проверяет совместную значимость регрессоров модели, второй отражает долю дисперсии исходных признаков, которую объясняет модель. В качестве объектов наблюдения выбраны Беларусь, Казахстан и Россия, общий период наблюдения – 1995–2020 гг. В целях сравнительной оценки торговой интеграции в Союзе в разные промежутки времени используются два вспомогательных интервала: 2013–2017 гг. и 2018–2022 гг. Первый интервал отражает начальные эффекты Единого экономического пространства ЕАЭС, образованного в 2012 г. Второй интервал, согласно гипотезе, должен отразить укрепление торговой интеграции в Союзе на фоне реализации программ производственной и технологической кооперации, а также адаптации стран-участниц к внешним вызовам. Выбор общих временных и географических границ модели обусловлен наличием соответствующих данных в базе OECD Trade in Value Added.

Были построены два типа регрессионных моделей. В одном результирующий показатель $Ex_{p,j}$ характеризует взаимный экспорт, в другом – внешний (внерегиональный) экспорт. Согласно гипотезе, повышение «прямого» и «обратного» участия стран Союза в РЦС положительно влияет на наращивание промышленного экспорта [8].

В результате анализа выявлены различия в степени влияния указанных факторов между странами, отраслями и направлениями экспорта (внутри и вне ЕАЭС).

Результаты

Этап I. Переориентация торговли промышленными товарами. В таблице 1 представлены результаты расчетов коэффициента опере-

жения согласно формуле 1. Данные в этой таблице свидетельствуют, что переориентация торговых потоков в ЕАЭС происходит неоднородно как в страновом, так и в товарном выражении. Остановимся более подробно на каждой стране – участнице объединения.

Для Армении отмечается относительное предпочтение взаимной торговли по таким группам товаров, как промышленные товары, машины и транспортное оборудование, а также различные готовые изделия. При этом важно отметить, что доля промышленных товаров в общем и взаимном экспорте страны сокращалась, хотя в последнем случае темп снижения был существенно меньше. Однако в части пищевой продукции и непродовольственного сырья для Армении характерен фокус на предпочтение внешним рынкам сбыта. Беларусь не демонстрирует явного предпочтения для евразийского рынка сбыта практически по всей номенклатуре товаров. Исключением можно признать продукцию химической промышленности, доля которой во взаимном экспорте страны выросла с 7,1 до 8,2%. Центробежные тенденции наблюдаются в торговле промышленными товарами: растет их доля в общем экспорте при снижении доли во взаимном. В экспорте химической продукции Казахстана отмечается существенный положительный сдвиг в сторону единого евразийского рынка. При стагнации доли группы товаров в общем экспорте страны на сравнительно низком уровне, его доля во взаимном экспорте ускоренно растет и составляет на текущий момент порядка 12,2%. Схожая картина характерна и для группы «машины и транспортное оборудование»: сегодня ее доля во взаимном экспорте Казахстана превышает 10,0%.

Для России ситуация характеризуется особой спецификой, ввиду качественно большего масштаба национальной экономики по сравнению со странами – партнерами по ЕАЭС. Для нее внутренний рынок Союза имеет относительно меньшую значимость, на что указывают сравнительно малые значения коэффициента опережения. Тем не менее некоторое предпочтение рынку Союза отмечается для России в экспорте различных готовых изделий.

Резюмируя, отметим, что далеко не все страны ЕАЭС смогли переориентировать поставки на внутренний рынок объединения, что свидетельствует о низком уровне торговой связанности и недостаточной степени развития внутриотраслевых производственных связей. При этом нельзя не заметить тот факт, что определенные положительные сдвиги наблюдаются в экспорте химической продукции, машин и транспортного оборудования, а также различных готовых изделий Армении, Казахстана и России. Можно сделать вывод, что имеется определенный «задел» для дальнейшего развития региональных цепочек стоимости в промышленных секторах.

Таблица 1

Коэффициент опережения (I) по группам товаров Международной стандартной товарной классификации (далее-МСТК) на уровне одного знака за период 2013–2017 гг. и 2018–2022 гг., %

Страна	Товар	Доля в общем экспорте, %			Доля во взаимном экспорте, %			I	Страна	Товар	Доля в общем экспорте, %			Доля во взаимном экспорте, %			I
		2013–2017	2018–2022	D, п.п.	2013–2017	2018–2022	D, п.п.				2013–2017	2018–2022	D, п.п.	2013–2017	2018–2022	D, п.п.	
Армения	МСТК 0	6,49	7,41	0,92	24,60	23,09	–1,51	–2,43	Киргизия	МСТК 0	11,82	10,83	–0,99	18,96	21,00	2,03	3,03
	МСТК 1	20,00	17,31	–2,69	44,14	28,57	–15,57	–12,88		МСТК 1	1,70	1,13	–0,57	1,64	1,73	0,09	0,65
	МСТК 2	26,18	33,23	7,05	2,11	5,77	3,66	–3,39		МСТК 2	11,42	17,14	5,73	18,38	33,32	14,94	9,21
	МСТК 3	3,47	1,81	–1,66	0,15	0,35	0,19	1,85		МСТК 3	6,98	5,15	–1,83	6,94	1,07	–5,87	–4,04
	МСТК 4	0,02	0,02	0,01	0,01	0,02	0,01	0,00		МСТК 4	0,02	0,16	0,14	0,01	0,03	0,02	–0,12
	МСТК 5	1,57	1,44	–0,13	2,35	3,09	0,75	0,88		МСТК 5	2,46	1,58	–0,89	4,49	3,72	–0,76	0,12
	МСТК 6	23,74	14,61	–9,13	11,24	10,39	–0,85	8,28		МСТК 6	7,87	7,12	–0,74	9,48	9,51	0,03	0,78
	МСТК 7	2,29	4,10	1,81	4,08	9,27	5,19	3,38		МСТК 7	7,57	4,80	–2,78	10,17	9,89	–0,28	2,50
	МСТК 8	8,89	11,82	2,93	11,05	18,26	7,21	4,28		МСТК 8	7,00	6,03	–0,97	21,01	18,46	–2,55	–1,58
	МСТК 9	6,78	7,38	0,59	0,28	1,19	0,92	0,32		МСТК 9	43,16	46,06	2,90	8,92	1,26	–7,66	–10,56
Беларусь	МСТК 0	15,29	18,23	2,94	29,68	30,20	0,53	–2,41	Россия	МСТК 0	3,58	5,23	1,65	6,74	8,10	1,36	–0,29
	МСТК 1	0,45	0,45	0,01	0,52	0,63	0,11	0,10		МСТК 1	0,30	0,26	–0,04	1,27	1,29	0,03	0,06
	МСТК 2	3,17	4,93	1,76	1,91	2,70	0,78	–0,97		МСТК 2	3,63	4,50	0,87	3,55	3,61	0,06	–0,81
	МСТК 3	23,98	14,41	–9,57	4,18	1,11	–3,07	6,50		МСТК 3	60,07	50,20	–9,87	31,93	23,05	–8,88	0,99
	МСТК 4	0,31	1,42	1,11	0,10	1,30	1,21	0,10		МСТК 4	0,53	0,95	0,42	0,76	0,82	0,06	–0,36
	МСТК 5	16,02	15,95	–0,07	7,07	8,17	1,10	1,17		МСТК 5	5,27	5,48	0,21	8,90	10,00	1,10	0,89

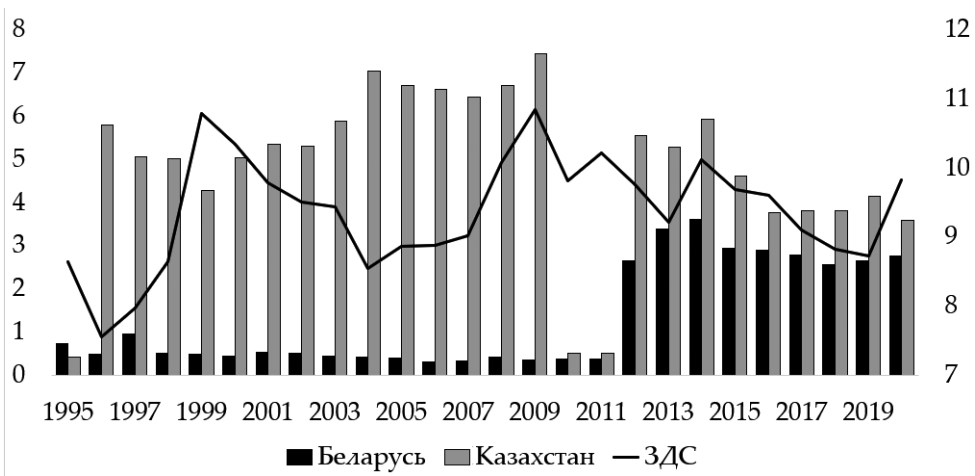
Окончание табл. 1

Страна	Товар	Доля в общем экспорте, %			Доля во взаимном экспорте, %			I	Страна	Товар	Доля в общем экспорте, %			Доля во взаимном экспорте, %			I
		2013–2017	2018–2022	D, п.п.	2013–2017	2018–2022	D, п.п.				2013–2017	2018–2022	D, п.п.	2013–2017	2018–2022	D, п.п.	
Беларусь	МСТК 6	15,40	17,32	1,92	17,16	16,88	–0,28	–2,20	Россия	МСТК 6	12,25	14,03	1,79	19,09	20,17	1,09	–0,70
	МСТК 7	16,77	18,20	1,42	25,89	26,51	0,62	–0,80		МСТК 7	5,12	4,74	–0,39	17,61	17,35	–0,27	0,12
	МСТК 8	7,09	8,24	1,16	11,28	11,44	0,16	–1,00		МСТК 8	1,50	1,27	–0,23	5,19	5,88	0,68	0,91
	МСТК 9	1,52	0,85	–0,67	2,22	1,06	–1,16	–0,49		МСТК 9	7,74	13,33	5,59	4,96	9,73	4,77	–0,82
Казахстан	МСТК 0	3,53	4,77	1,24	7,49	7,10	–0,38	–1,62	Всего ЕАЭС	МСТК 0	4,34	5,95	1,61	13,42	13,74	0,32	–1,29
	МСТК 1	0,28	0,27	0,00	1,60	1,65	0,04	0,05		МСТК 1	0,38	0,37	–0,01	1,39	1,51	0,13	0,14
	МСТК 2	5,72	8,22	2,50	30,42	29,97	–0,45	–2,94		МСТК 2	3,96	5,15	1,19	6,02	6,48	0,46	–0,73
	МСТК 3	68,89	62,89	–6,01	16,27	11,19	–5,08	0,92		МСТК 3	58,58	49,31	–9,28	22,00	15,80	–6,21	3,07
	МСТК 4	0,11	0,34	0,23	0,18	0,13	–0,05	–0,28		МСТК 4	0,47	0,90	0,44	0,50	0,84	0,34	–0,10
	МСТК 5	4,88	4,56	–0,32	9,80	12,26	2,47	2,79		МСТК 5	5,87	5,98	0,11	8,41	9,66	1,26	1,15
	МСТК 6	14,08	15,91	1,83	22,82	25,49	2,68	0,85		МСТК 6	12,66	14,46	1,80	18,74	19,67	0,93	–0,86
	МСТК 7	1,65	2,65	1,00	7,57	10,46	2,89	1,89		МСТК 7	5,46	5,31	–0,15	18,70	18,88	0,18	0,34
	МСТК 8	0,56	0,34	–0,22	2,28	1,37	–0,92	–0,70		МСТК 8	1,79	1,66	–0,13	6,80	7,05	0,25	0,38
	МСТК 9	0,30	0,06	–0,24	1,57	0,37	–1,20	–0,96		МСТК 9	6,68	11,23	4,54	4,03	6,36	2,33	–2,21

Примечание 1. МСТК 0 – пищевые продукты, МСТК 1 – напитки и табак, МСТК 2 – сырье непродовольственное, кроме топлива, МСТК 3 – минеральное топливо, МСТК 4 – животные и растительные масла, МСТК 5 – химические вещества, МСТК 6 – промышленные товары, МСТК 7 – машины и транспортное оборудование, МСТК 8 – различные готовые изделия, МСТК 9 – прочие товары.
Примечание 2. Используются усредненные показатели долей за указанный период с целью сглаживания ценовых колебаний.
Источник: составлено авторами по: данные UNCTAD Stat. https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html (дата обращения: 06.08.2024).

Этап II. Связанность стран ЕАЭС в региональных цепочках стоимости. По данным рис. 1 представляется возможным оценить доли Беларуси и Казахстана в зарубежной добавленной стоимости экспорта машиностроения России, % (*левая шкала*), а также доли зарубежной добавленной стоимости в стоимости промышленного экспорта России, % от стоимости экспорта (правая шкала):

– доля зарубежной добавленной стоимости (далее – ЗДС) экспорта машиностроения России находится на сравнительно низком уровне: 10–13%, доля партнеров по ЕАЭС в ЗДС составляет для Беларуси всего – 1,9%, Казахстана – 3,7%;
– поставки промежуточной продукции из Беларуси существенно повысились только в 2012 г., а после 2015 г. находятся на стабильном уровне;
– в 2014 г. доля Казахстана в ЗДС экспорта машиностроения России составляла порядка 6%, однако после этого понизилась.



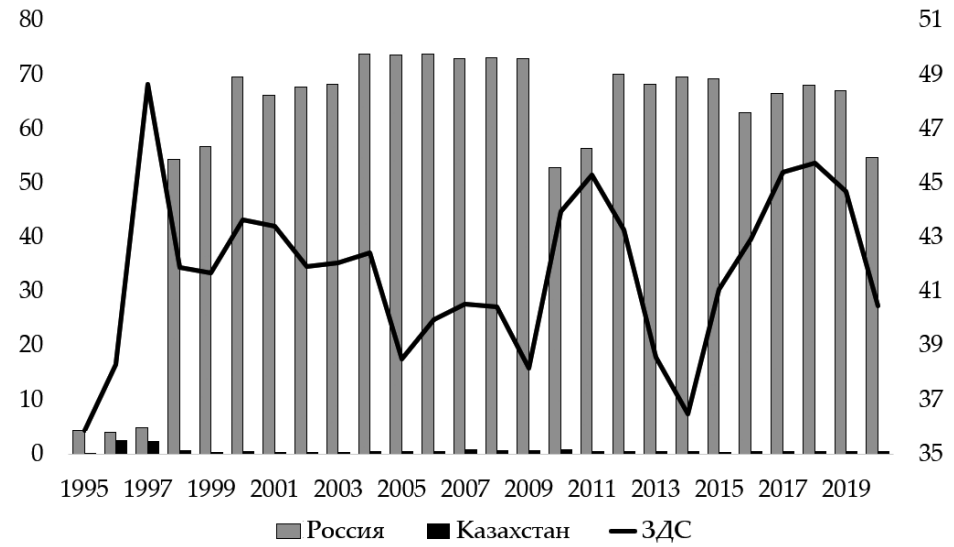
Источник: составлено авторами по: данные OECD TiVA. https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/trade-in-value-added.html (дата обращения: 10.09.2024).

Рис. 1. Доля Беларуси и Казахстана в зарубежной добавленной стоимости экспорта машиностроения России, % (*левая шкала*); доля зарубежной добавленной стоимости в стоимости промышленного экспорта России, % от стоимости экспорта (правая шкала)

Существующий спад в величине добавленной стоимости Казахстана в промышленном экспорте России в 2010–2011 гг., по мнению авторов, может быть объяснен изменениями и особенностями статистического учета внешнеторговых операций в процессе формирования Таможенного союза, начатого в 2010 г.

Из данных, представленных на рис. 2, видно, что экспорт продукции машиностроения Беларуси примерно на 50% состоит из ранее

импортированных промежуточных компонентов и различных производственных услуг. При этом примерно 70% зарубежной добавленной стоимости экспорта машиностроения страны приходится на Россию. Ее доля в стоимости импортированных компонентов имеет стабильный характер, что свидетельствует об устойчивости сформированных и отсутствии новых кооперационных связей между странами. Поставки промежуточной продукции из Казахстана в Беларусь практически отсутствуют.

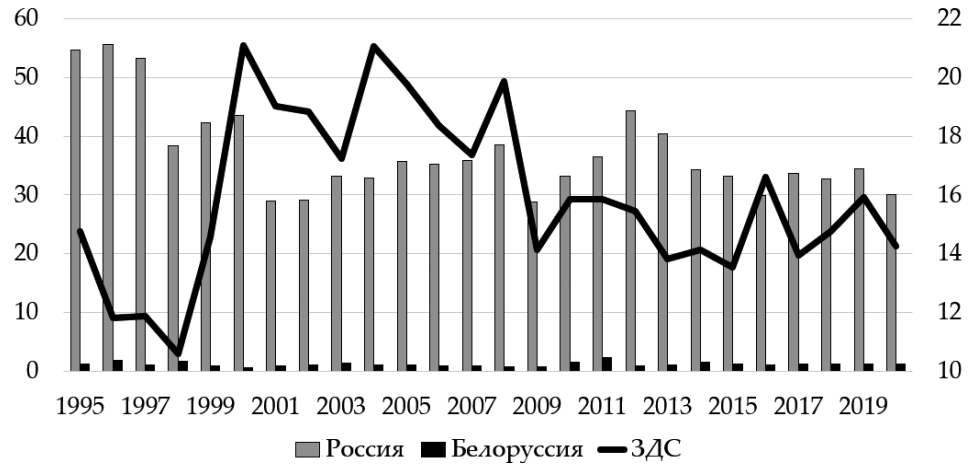


Источник: составлено авторами по: данные OECD TiVA. https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/trade-in-value-added.html (дата обращения: 10.09.2024).

Рис. 2. Доля России и Казахстана в зарубежной добавленной стоимости экспорта машиностроения Беларуси, % (левая шкала); доля зарубежной добавленной стоимости в стоимости экспорта машиностроения Беларуси, % от стоимости экспорта (правая шкала)

По данным рис. 3 можно выделить характерные черты участия Казахстана в РЦС ЕАЭС. Несмотря на то что ЗДС экспорта машиностроения страны находится на уровне 20% и демонстрирует тенденцию к снижению, поставки из России составляют порядка 40% промежуточных поставок в Казахстан. Поставки промежуточной продукции из Беларуси также не носят значимый характер. Из этого следует, что Казахстан существенно зависит от поставок из России, хотя и в меньшей степени, чем Беларусь.

Таким образом, на основе приведенных данных можно сделать вывод о том, что торговая связанность крупнейших стран ЕАЭС – Беларуси, и России – в региональных цепочках стоимости имеет асимметричный характер. Также можно выделить три особенности: (1) силь-



Источник: составлено авторами по: данные OECD TiVA. https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/trade-in-value-added.html (дата обращения: 10.09.2024).

Рис. 3. Доля России и Беларуси в зарубежной добавленной стоимости экспорта машиностроения Казахстана, % (левая шкала); доля зарубежной добавленной стоимости в стоимости экспорта машиностроения Казахстана, % от стоимости экспорта (правая шкала)

ная зависимость промышленного экспорта Беларуси и Казахстана от промежуточных поставок из России, (2) отсутствие горизонтальных производственных связей между Беларусью и Казахстаном, (3) относительно слабая включенность России в региональные цепочки стоимости ЕАЭС.

Резюмируя результаты исследования, полученные на основе двух последовательных этапов, можно выделить следующие основные положения. Во-первых, имеет место наличие общего тренда в экспорте товаров обрабатывающей промышленности, направленного на единый евразийский рынок, который характерен для компаний Армении, Казахстана и России. Во-вторых, фиксируется достаточно ярко выраженная тенденция активизации промышленной интеграции между странами Союза, реализуемая с участием России. И в-третьих, представляется недостаточным рост объемов промышленного экспорта государств – членов ЕАЭС, нацеленный на развитие единого внутреннего рынка объединения. При этом важно отметить, что зачастую страны Союза используют возможности евразийской промышленной интеграции для наращивания экспорта в третьи страны. В данной связи представляется актуальным оценить, какие возможности создают РЦС для роста взаимной торговли промышленными товарами.

Этап III. Влияние региональных цепочек стоимости на торговую интеграцию в ЕАЭС. На третьем, завершающем этапе эконометрическое моделирование позволило авторам определить направление и силу

воздействия участия стран ЕАЭС в региональных цепочках стоимости на наращивание взаимного (в пределах Союза) и внешнего (за его пределами) промышленного экспорта (см. табл. 2).

Таблица 2

Прогнозные оценки влияния РЦС в отдельных отраслях промышленности Беларуси, Казахстана и России на рост взаимного и внешнего экспорта по результатам эконометрического моделирования, в %

Сектор	Направление экспорта	BP	FP	GDPpc	F–стат–ка	R2, %
Беларусь						
Всего промышленность	Внешний	10,73***	–16,91***	1,68**	33***	84
	Взаимный	–0,25	23,42***	0,51	133***	96
Химическая промышленность	Внешний	26,20***	–9,91	0,00	27***	86
	Взаимный	–0,69	31,85***	0,06**	46***	95
Производство электроники	Внешний	14,22***	–176,58***	0,15***	61***	88
	Взаимный	–2,53	168,93***	0,07***	87***	96
Транспортное машиностроение	Внешний	38,71***	–96,06***	0,27***	11***	77
	Взаимный	15,48**	66,21***	–0,05	25***	87
Казахстан						
Всего промышленность	Внешний	22,93***	–9,68**	0,78***	238***	91
	Взаимный	–2,49***	6,71***	0,12***	351***	96
Химическая промышленность	Внешний	–5,05	–4,72	0,04***	74***	93
	Взаимный	–8,70***	22,79***	0,01***	107***	88
Производство электроники	Внешний	–30,21***	–10,38	0,00***	17***	60
	Взаимный	2,49	176,07***	0,01**	25***	85
Транспортное машиностроение	Внешний	25,40***	– 16,49**	0,01***	89***	94
	Взаимный	0,00	111,46***	0,00	13***	80
Россия						
Всего промышленность	Внешний	30,09	38,92***	11,08*	91***	88
	Взаимный	6,04***	6,29***	0,77***	414***	97
Химическая промышленность	Внешний	–60,78	63,73***	1,74**	20***	78
	Взаимный	4,29	5,02***	0,19***	643***	96
Производство электроники	Внешний	61,35	– 35,02***	0,33***	13***	61
	Взаимный	25,82	0,56	0,31***	60***	80
Транспортное машиностроение	Внешний	214,18***	2,31	0,16	16***	74
	Взаимный	55,65**	36,86***	0,12*	37***	84

Примечание: * – значимость на уровне 10%, ** – значимость на уровне 5%, *** – значимость на уровне 1%.

Источник: составлено авторами.

Для сектора машиностроения ЕАЭС общим значимым фактором увеличения экспорта явилось «прямое» участие всех стран в региональных цепочках стоимости, что отражено показателем FP. Обнаружено, что рост отечественной добавленной стоимости экспорта машиностроения России в стоимости экспорта машиностроения партнеров по ЕАЭС на 1 млн долл. сопряжен с повышением экспорта машиностроения России на 6,29 млн долл. в аналогичном периоде. Для Казахстана аналогичный эффект составляет 6,71 млн долл., для Беларуси – 23,42 млн долл. Таким образом, наращивание промышленного экспорта Беларуси в большей степени, чем для других стран ЕАЭС, зависит от «прямого» участия в цепочках стоимости Союза, т. е. от поставки узлов и компонентов на внутренний рынок. Роль «обратного» участия в региональных цепочках стоимости для наращивания промышленного экспорта не одинакова для всех стран ЕАЭС. Ситуация для России выглядит аналогичной «прямому» участию: рост поставок промежуточной продукции и производственных услуг из стран – партнеров по объединению на 1 млн долл. сопряжен с ростом экспорта машиностроения на 6,04 млн долл. Следовательно Россия сравнительно равномерно интегрирована в региональные цепочки стоимости ЕАЭС. Для нее одинаково значима роль как поставщика компонентов, так и готовой продукции на внутренний рынок Союза. Случай Казахстана демонстрирует противоположную тенденцию: рост «обратного» участия страны в РЦС на 1 млн долл. способствует его снижению на 2,49 млн долл. Следовательно Казахстан не ориентирован на «принятие добавленной стоимости» от евразийских партнеров. Для страны предпочтительнее ориентация в качестве поставщика промежуточных продуктов.

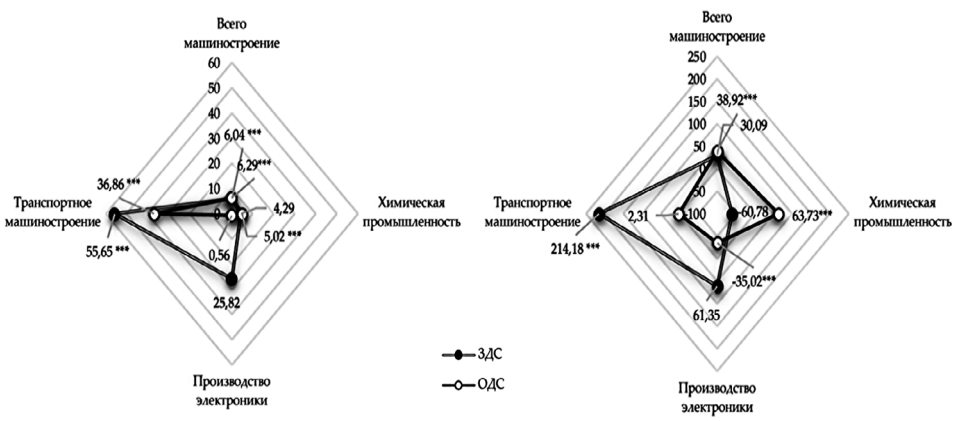
Применительно к сектору химической промышленности рост взаимного экспорта Беларуси и Казахстана в большей степени зависит от поставок промежуточных продуктов химического сектора в страны – партнеры по ЕАЭС (прежде всего в Россию). Стоит отметить, что «обратное» участие в цепочках стоимости химической индустрии не значимо для наращивания экспорта химических продуктов России и Беларуси. При этом для Казахстана рост поставок промежуточных продуктов из России и Беларуси сопряжен со снижением экспорта химической продукции на 8,70 млн долл., что свидетельствует об ориентации страны на закупки из третьих стран.

В секторе производства электроники наблюдается примечательная ситуация. Взаимный экспорт соответствующей российской продукции не зависит от ее участия в региональных цепочках стоимости. Для Беларуси и Казахстана крайне значима роль как поставщика промежуточных продуктов, при этом участие в качестве поставщика готовой продукции играет несущественную роль. Наконец, в секторе транспортного машиностроения стран – участниц ЕАЭС также прослеживается

ряд зависимостей. Применительно к транспортному машиностроению увеличение «прямого» («обратного») участия России в секторальных цепочках стоимости Союза на 1 млн долл. сопряжено с ростом экспорта машин и транспортного оборудования страны на 66,21 (15,48) млн долл. Аналогичная ситуация отмечается также и для Беларуси.

Исходя из данных рис. 4, представляется возможным оценить влияние «прямого» и «обратного» участия России в региональных цепочках стоимости ЕАЭС на стоимостной объем взаимного и внешнего экспорта России по отраслям:

– значение «обратного» участия во всех указанных секторах, кроме химической промышленности, выше для наращивания промышленного экспорта в третьи страны. То есть Россия во многом использует базу поставщиков из стран – партнеров по ЕАЭС для увеличения экспорта в третьи страны. Стоит отметить, что увеличение экспорта химической продукции достигается за счет снижения промежуточных поставок из ЕАЭС в пользу поставок из третьих стран.
– в химической промышленности и машиностроении в целом Россия опирается на «прямое» участие в региональных цепочках стоимости как механизм наращивания внешнего экспорта; в секторе транспортного машиностроения, напротив, «прямое» участие является фактором наращивания внутрирегионального экспорта машин и транспортного оборудования.
– рост экспорта продукции электроники России обеспечивается снижением «прямого» участия в региональных цепочках стоимости в пользу увеличения промежуточных поставок в третьи страны.



Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Оценка влияния «прямого» и «обратного» участия России в региональных цепочках стоимости ЕАЭС на стоимостной объем взаимного и внешнего экспорта России по отраслям (млн долл. на 1 млн долл. прироста «прямого» (FP) / «обратного» (BP) участия)

Обсуждение и выводы

Проведенное исследование позволило получить результаты, необходимые для проверки гипотезы о положительном влиянии участия стран ЕАЭС в региональных цепочках стоимости как механизма укрепления торговой интеграции, обеспечивающего наращивание взаимного промышленного экспорта. Как удалось установить, актуальная структура РЦС имеет «зонтичный характер»: Беларусь и Казахстан находятся в существенной зависимости от поставок промежуточных товаров из России. При этом горизонтальные производственные связи между двумя странами фактически отсутствуют. В то же время, согласно полученным результатам, Россия в целом слабо интегрирована в региональные цепочки стоимости, что коррелирует с выводами предшествующих исследований.

Эконометрическое моделирование позволило подтвердить основную гипотезу исследования. Обнаружены страновые особенности влияния региональных цепочек стоимости на торговую интеграцию в ЕАЭС. Так, взаимный промышленный экспорт Беларуси, Казахстана и России активно возрастает по мере встраивания в РЦС национальных поставщиков промежуточных продуктов. При этом наращивание взаимного экспорта Казахстана имеет положительную корреляцию в части переключения промежуточных закупок со стран-партнеров на внешних поставщиков.

В секторальном разрезе также удалось выявить новые значимые аспекты. Выявлена определенная переориентация торговых потоков продукции химической промышленности и машиностроения Армении, Казахстана и России в сторону внутреннего рынка, что можно признать «точкой пересечения» интересов торговой интеграции в перспективе. Обнаружено, что драйвером взаимного экспорта химической продукции Беларуси и Казахстана является сотрудничество с российскими компаниями в форме поставки продукции меньшей степени переработки. Взаимный экспорт электроники России де-факто не зависит от участия в региональных цепочках стоимости. Наконец, в транспортном машиностроении наращивание взаимного экспорта Беларуси и России обеспечивается как «прямыми», так и «обратными» связями в РЦС, что говорит о более развитом характере производственной связанности стран ЕАЭС в данном секторе по отношению к другим упомянутым отраслям.

Подводя итог, необходимо признать, что подтверждаются положительные сдвиги в торговой интеграции стран – участниц ЕАЭС. Однако выявленная текущая конфигурация состояния и динамики региональных цепочек стоимости не позволяет в должной мере раскрыть потенциал торговой интеграции и производствен-

ного сотрудничества компаний стран Союза. Пока еще существующая система поддержки производственной кооперации в Союзе недостаточно учитывает страновую и отраслевую специфику. По нашему мнению, для улучшения ситуации необходимо внедрение индивидуализированных механизмов и правил субсидирования, основанных на эмпирически доказанных потребностях конкретных стран и отраслей. При этом важно анализировать и осуществлять мониторинг актуальных взаимосвязей стран ЕАЭС в региональных цепочках стоимости, а также обосновывать, разрабатывать и предпринимать системные меры на наднациональном и на национальных уровнях по их использованию в механизмах укрепления торговой интеграции.

По нашему мнению, наднациональным институтам совместно с уполномоченными органами государств – членов ЕАЭС следует сосредоточить фокус своих совместных решений на совершенствовании механизмов выравнивания структурных диспропорций РЦС, на поддержке промышленной интеграции в тех секторах и звеньях цепочек стоимости, которые, как показало исследование, способны дать наибольший экономический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баландина Г.В., Спартак А.Н.* Перспективы и ограничения участия России в региональных и глобальных цепочках стоимости // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 11. С. 3–16. EDN: ZWBKLP.
2. *Белоусов А.В.* Анализ движения добавленной стоимости в экспорте продукции стран ЕАЭС // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. 2023. № 3. С. 13–16. EDN: IIHUWK.
3. *Быков А.А., Колб О.Д.* Глобальные цепочки стоимости: эволюция, стратегии, перспективы для Беларуси // Современные формы организации бизнеса: международный опыт и перспективы развития в Беларуси / Совет по развитию предпринимательства в Республике Беларусь, Восточный комитет германской экономики. Минск: УП «Интегралполиграф», 2017. С. 97–123. EDN: YQHTNU.
4. *Вардомский Л.Б.* Пространственное измерение евразийской интеграции // Региональные исследования. 2021. № 4 (74). С. 18–28. EDN: ETZADR.
5. *Варнавский В.Г.* Международная торговля в категориях добавленной стоимости: вопросы методологии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 5–15. EDN: YMGSON.
6. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Т. В. Бордачев, К.О. Вишневский, М.К. Глазатова и др. / отв. ред. Т. А. Мешкова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с. ISBN 978-5-7598-1978-3 (в обл.). ISBN 978-5-7598-2002-4.

7. *Кузнецов А.В.* Промышленная кооперация ЕАЭС в условиях глобальной нестабильности // Проблемы теории и практики управления. 2020. № 11. С. 6–23. EDN: PBXXST.
8. *Рожанская Е.А., Прикладова А.А.* Статистические расхождения стоимостных объемов несырьевого неэнергетического экспорта из России в страны ЕАЭС // Экономическое развитие России. 2022. № 8 (29). С. 24–30. EDN: BNBCPJ.
9. *Смирнов В.А., Сутырин В.В.* Евразийский интеграционный проект России: перспективы симметричной модели развития // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 12. С. 122–134. EDN: BWALFJ.
10. *Урунов А. А., Морозова И.М.* Кооперация и субконтрактация предприятий как форма углубления процесса интеграции стран в рамках Евразийского экономического союза // Управление. 2021. Т. 9.№ 1. С. 49-60. EDN: UARJNZ.
11. *Флегонтова Т.А.* Участие стран ЕАЭС в глобальных цепочках добавленной стоимости // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 1. С. 73-84. EDN: XTDOIH.
12. *Хейфец Б.А.* Евразийский экономический союз – время для модернизации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 29–50.
13. *Cigna S.* [et al]. Global value chains: measurement, trends and drivers // Occasional Paper Series. European Central Bank. January 2022. No. 289. https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op289~95a0e7d24f.en.pdf
14. *Eder J.* Moving towards developmental regionalism? industrial cooperation in the Eurasian Economic Union from an Armenian and Belarusian perspective // Post-Communist Economies. 2020. No. 33 (2–3). Pp. 331–358. DOI: 10.1080/14631377.2020.1793590.
15. Global Value Chains Development Report 2023 // WTO Publications. https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/gvc_dev_rep23_e.htm
16. *Hanzl-Weiss D., Leitner S. M., Stehrer R., Stöllinger R.* Global and Regional Value Chains: How Important, How Different? // WIIW Research Report. 2018. No. 427. The Vienna Institute for International Economic Studies (WIIW), Vienna.
17. Regional Integration and Cooperation in a Changing World // Asian Development Bank. 2013. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30224/regional-cooperation-changing-world.pdf
18. Trade and Development Report // UNCTAD. 2022. https://unctad.org/tdr2022.
19. *Vasudevan S., & Babu M.S.* Global production sharing and trade effects: an analysis of Eurasian Economic Union // Eurasian Economic Review. 2021. Vol. 4. No. 11. Pp. 633–665. DOI: 10.1007/s40822-021-00179-0.
20. *Viner J., Oslington P.* The Customs Union Issue (Revised ed.). Oxford University Press, 2014.

REFERENCES

1. *Balandina, G. V., Spartak, A. N.* Prospects and limitations of Russia's participation in regional and global value chains // Russian Foreign Economic Journal. 2024. No. 11. Pp. 3–16. EDN: ZWBKLP. (In Russ.).
2. *Belousov, A.V.* Analysis of the Value Added Shift in the Export of Products in the EAEU Countries // Economic Bulletin of the Scientific Research Economic Institute

of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus. 2023. No. 3. Pp. 13–16. EDN: IIHUWK. (In Russ.).
3. *Bykov, A. A., Kolb, O.D*. Global value chains: evolution, strategies, prospects for Belarus // Modern forms of business organization: international experience and development prospects in Belarus / The Council for the Development of Entrepreneurship in the Republic of Belarus, the Eastern Committee of the German Economy. Minsk : UE «Integralpoligraf», 2017. Pp. 97–123. EDN: YQHTNU. (In Russ.).
4. *Vardomskiy, L.B*. Spatial Dimension of Eurasian Integration // Regional Studies. 2021. Vol. 74. No. 4. Pp. 18–28. EDN: ETZADR. (In Russ.).
5. *Varnavskii, V.*G. International Trade in Value Added Terms: Methodological Issues // World Economy and International Relations. 2018. Vol. 62. No. 1. Pp. 5-15. EDN: YMGSON. (In Russ.).
6. Economic integration of Eurasia: strategic prospects for the development of the Russian Geography of the Year [Text]: doc. c. XX Apr. international scientific. Conference on the problem of non-economic development of boilers, Moscow, 9-12 Apr. 2019 / T. V. Bordachev, K. Fright. Vishnevsky, M. K. Glazatov et al.; rel. land rent. T. A. Meshkov; National this is a study. Kostin Higher School of Economics. M.: This is decreasing. Higher Economics Dota school, 2019. 123 p. ISBN 978-5-7598-1978-3 (V. Vol.). ISBN 978-5-7598-2002-4 (In Russ.).
7. *Kuznetsov, A.V.* EAEU industrial cooperation in a global instability // Problems of theory and practice of management. 2020. No. 11. Pp. 6–23. EDN: PBXXST. (In Russ.).
8. *Rozhanskaya, E.A., Prikladov, A.A.* Statistical discrepancies in the value of non-primary non-energy exports from Russia to the EAEU // Economic development of Russia. 2022. Vol. 29. No. 8. Pp. 24–30. EDN: BNBCPJ. (In Russ.).
9. *Smirnov V., Sutyrin V*. The Russian Project of Eurasian Integration: Towards the Symmetric Development Model // World Economy and International Relations. 2024. Vol. 68. No. 12. Pp. 122–134. EDN: BWALFJ. (In Russ.).
10. *Urunov A.A., Morozova I.M*. Cooperation and subcontracting enterprises as a form of deepening the process of integration within the Eurasian Economic Union. // Upravlenie. 2021. Vol. 9. No. 1. Pp. 49–60. EDN: UARJNZ. (In Russ.).
11. *Flegontova, T. A*. GVCs: Participation of EAEU countries // Russian Foreign Economic Journal. 2017. No. 1. Pp. 73–84. EDN: XTDOIH. (In Russ.).
12. *Kheyfets B.A*. Eurasian Economic Union – Time for Modernization // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 29–50. (In Russ.)
13. *Cigna, S*. [et al]. Global value chains: measurement, trends and drivers // Occasional Paper Series. European Central Bank. January 2022. No. 289. https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op289~95a0e7d24f.en.pdf
14. *Eder, J*. Moving towards developmental regionalism? industrial cooperation in the Eurasian Economic Union from an Armenian and Belarusian perspective // Post-Communist Economies. 2020. Vol. 33. No. 3. Pp. 331–358. DOI: 10.1080/14631377.2020.1793590.
15. Global Value Chains Development Report 2023 // WTO Publications. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/gvc_dev_rep23_e.htm
16. *Hanzl-Weiss, D., Leitner, S. M., Stehrer, R., Stöllinger, R*. Global and Regional Value Chains: How Important, How Different? // WIIW Research Report. 2018. No. 427. The Vienna Institute for International Economic Studies (WIIW), Vienna.

17. Regional Integration and Cooperation in a Changing World // Asian Development Bank. 2013. https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30224/regional-cooperation-changing-world.pdf
18. Trade and Development Report // UNCTAD. 2022. https://unctad.org/tdr2022
19. *Vasudevan, S., & Babu, M. S.* Global production sharing and trade effects: an analysis of Eurasian Economic Union // Eurasian Economic Review. 2021. Vol. 4. No. 11. P. 633–665. DOI: 10.1007/s40822-021-00179-0.
20. *Viner, J., Oslington, P.* The Customs Union Issue (Revised ed.). Oxford University Press, 2014.

Дата поступления рукописи: *25.01.2025 г.*
Дата принятия к публикации: *16.04.2025 г.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамов Валерий Леонидович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6351-2594
valabr@yandex.ru

Васильченко Александр Дмитриевич – аспирант Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия
ORCID: 0000-0002-4904-1562
Vasilchenko.ad7@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Valery L. Abramov – Dr. Sci.(Econ.), Professor, Chief Researcher at the Institute for Research of International Economic Relations, Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6351-2594
valabr@yandex.ru

Alexander D. Vasilchenko – PhD student at P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
ORCID: 0000-0002-4904-1562
Vasilchenko.ad7@mail.ru

REGIONAL VALUE CHAINS AS A DRIVER OF TRADE INTEGRATION IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article dissects main characteristics of the EAEU regional value chains. The hypothesis of a positive correlation between member states' participation in regional value chains and their intraregional industrial exports has been tested. The results obtained suggest a preferential shift to industrial goods in the intra-regional trade since the launch of the integration; the most punctuated this shift is in chemical industry products and machinery. The study also identifies country-specific patterns in the involvement of EAEU countries in regional

value chains. Russia's dependence on cooperative links with its EAEU partners is relatively low. In contrast, the exports of Belarus and Kazakhstan rely greatly on the Russian value added. Generally, value added flows within the Union are heavily skewed towards Russia. It has been unveiled that forward linkages in regional value chains impact positively on the volume of intra-regional industrial exports. At the same time, Russia is increasing its industrial exports to third countries by leveraging the region's production base. In our opinion, EAEU integration institutions need to implement new programs aimed at leveling of structural disproportions of regional cooperation links. It is suggested that such measures should be sector-specific and take into account forward and backward cooperative linkages among EAEU countries.

Keywords*: EAEU, regional value chains, industrial exports, industrial cooperation, intermediate goods, economic integration.*

JEL: F15, F17.